

**ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Проблема сознания: разные ракурсы

Сборник статей

**Материалы конференции
«Проблема сознания: традиции
и современность», состоявшейся
24 апреля 2014 года на факультете
философии и культурологии Южного
федерального университета
(г. Ростов-на-Дону)**

Коллектив авторов

**Проблема сознания:
разные ракурсы**

«Директ-Медиа»

УДК 1.165
ББК 22.161.12я73

Коллектив авторов

Проблема сознания: разные ракурсы / Коллектив авторов —
«Директ-Медиа»,

Сборник статей, предлагаемый вниманию читателя, в развернутом варианте отражает содержание выступлений, которые прозвучали в Южном федеральном университете на конференции по сознанию, проведенной кафедрой истории философии в апреле 2014 года. В сборнике довольно сильна историко-философская составляющая, поскольку ядро участников конференции представляли члены кафедры истории философии ЮФУ (статьи А.В. Тихонова, Е.А. Корсунского, Л.П. Пендюриной, Т.П. Матяш, Ю.Р. Тищенко и др.) но есть и статьи, посвященные общим характеристикам сознания (В.И. Молчанов), сознанию как характеристике внутреннего мира (Е.В. Золотухина-Аболина), религиозному сознанию (С.Н. Астапов). Именно поэтому сборник назван «Проблема сознания: разные ракурсы». Статьи, обращенные порой к весьма сложной философской проблематике, обращены в первую очередь, к философам-профессионалам. Однако они написаны достаточно ясно и четко и могут быть интересны для самой широкой аудитории, интересующейся характеристиками человеческого сознания. Тексты публикуются в авторской редакции.

УДК 1.165
ББК 22.161.12я73

© Коллектив авторов
© Директ-Медиа

Содержание

Виктор Молчанов	5
Андрей Тихонов	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Проблема сознания: разные ракурсы

Виктор Молчанов Сознание и различие

Сознание – многообразие различений и их различий (первичный опыт), а также предпочтений и идентификаций различенного. В корреляции с миром как различенностью сущего сознание образует серии подвижных смысловых и ценностных иерархий, определяющих содержание индивидуального и интерсубъективного опыта. Последовательность таких иерархий позволяет говорить, избегая субстантивации, об истории человеческого сознания, различая при этом первый период (и небольшой сегмент современного мира) – так называемое первобытное мышление с преобладанием конкретных различий и интуитивно-номинативных идентификаций и последующие периоды, составляющие смыслообразующие и ценностные каркасы определенных эпох и культур с преобладанием абстрактных различий и дескриптивно-концептуальных идентификаций. Как многообразие различений сознание – это непосредственный и первичный опыт человека, пронизывающий все другие виды опыта, источник и граница человеческого бытия. Если способность различать характеризует психическое вообще, то человеческому сознанию свойственна уникальная способность различать различия (самосознание) и различать типы и иерархии различий (рефлексия). Различие между различением и идентификацией (то, что традиционно рассматривается как различие субъекта и объекта, или Я и не-Я) и неизбежный переход от различений к идентификациям в процессе любого рода деятельности и коммуникации (переход в сфере сознания – прерогатива предпочтения) характеризует сознание как смыслообразующее начало психической жизни и позволяет отнести термин «сознание» как к самому этому переходу так и к идентификации, которая, в свою очередь, есть исходный пункт сравнения и классификации. Сравнение и классификация предполагают тождество, различение – нет. Различение нельзя определить через род и видовое отличие, ибо само различие между родом и видом – это одно из различий. Различение можно сопоставить с идентификацией, ассоциацией (синтезом), сравнением и классификацией (иерархия функций сознания) с представлением, суждением, фантазией, воспоминанием, оценкой, сомнением и т. д. (иерархия модусов предметного отношения), чувством и волей (иерархия ценностных ориентаций), с пространством и временем (иерархия первичных ориентаций и ритмов), с этическим, эстетическим, познавательным и др. опытами (иерархия опытов), и наконец – с иерархией указанных иерархий только на «основе» самого различения. В этом смысле различение самореферентный (хотя и не замкнутый) опыт.

Из различных значений слова «сознание», а также ряда родственных слов: «осознать», «сознательный» и др. (напр., «потерять сознание», «прийти в сознание», «поступить сознательно» в противоположность «совершить нечто в состоянии аффекта» и т. д.) два значения имеют непосредственное отношение к философской проблематике: совесть, или нравственное сознание (напр., «осознать вину»), и когнитивная способность. Греч. *συνείδησις* и лат. *conscientia* употреблялись как в первом, так и во втором значении; в схоластике *conscientia* означает совесть, у Декарта и Лейбница – ментальную функцию (ср. в англ.: *conscience* и *consciousness*, в нем. *Gewissen* и *Bewußtsein*, во франц. *conscience* и *conscience*, в чешск. *svědomí* и *vědomí* т. д.). В буквальном смысле, сознание – соотносительность знаний, т.е. первичных различий и ориентаций, определяющих многообразные отношения человека к миру, включая отношение к другим и к самому себе. Сознание как совесть – это соотношение «знания добра и зла», т.е. их различия, со способом жизни. Сознание как единство ментальной сферы в целом – это соотношение между собой восприятия, памяти, фантазии, суждения, предпочте-

ния, любви и ненависти, радости и огорчения, сомнения, воли, желания, решения и других своих модусов, каждый из которых выделяет себя из других в своем специфическом формировании смыслового или ценностного коррелята (например, восприятие осознается как восприятие воспринятого), образуя вместе с другими модусами конкретное единство сознания. Впервые на непосредственную связь нравственного сознания со структурой ментальной жизни указал Ф. Brentano.

Начиная с Канта, термин «сознание» в сочетании с другими терминами обозначает зачатую одну из узловых проблем того или иного учения – как предмет исследования и как определенный способ человеческого существования: трансцендентальное сознание, несчастное сознание, классовое сознание, утопическое сознание, инструментальное сознание, действенно-историческое сознание, соборное сознание, чистое сознание и т. д.

В широком смысле, проблема сознания – основная проблема философии, а понятие сознания – связующая нить всего гуманитарного знания; в узком смысле – это ряд взаимосвязанных проблем, количество которых имеет тенденцию к возрастанию: 1. единство сознания; 2. классификация модусов сознания, их иерархия, напр., вопрос о первичности воли, суждения или представления; 3. отношение сознание/тело; 4. сознание и значение, знак и символ; 5. самосознание и внутреннее восприятие, интроспекция и рефлексия; 6. сознание и познание (источник достоверности, природа абстрагирования и т. д.); 7. сознание и бессознательное; 8. субъективность и интерсубъективность; 9. сознание и предмет; 10. внутренняя активность сознания (самовоздействие, творчество); 11. сознание и искусственный интеллект; 12. сознание и идеология; и др.

Для истории учений о сознании в европейской философии характерны две основные тенденции, которые в разных формах концептуально фиксируют подвижную и одновременно иерархическую природу сознания. Редукционистские учения, сводящие сознание к материальному или социальному началам (от огненных атомов Демокрита до нейрофизиологических и экономических структур) все же предполагают по меньшей мере два уровня: феноменальный (представления, ощущения и т. д.) и реальный, фундирующий. Противоположная, субстанциалистская тенденция формируется в результате трансформации исходных для философии различий божественное/человеческое, душа/тело в иерархии типа: высшее духовное начало (идея, логос, Бог, единое и т. д.) – душа – тело – материя. В свою очередь, в рамках этой тенденции различаются платоно-августиновская традиция: душа мыслится как субстанция, которая может существовать вне тела, и аристотелевско-томистская: душа мыслится как энтелехия или форма тела. В обеих традициях исследуется также внутренняя иерархия сознания (от ощущений до созерцания, интеллекта, мышления).

Философия Нового времени в значительной степени утрачивает необходимость в традиционной (внешней) иерархии, интенсифицируя исследования внутренней иерархии сознания и полагая мерилom истинности и достоверности человеческий ум. На первый план выходит проблема сознания как самосознания, сопровождающего ментальную активность – по Декарту, всю в целом (*cogitatio*, *perceptio*, *conscientia* – синонимы), по Лейбницу, который вводит с ново-европейскую философию тему бессознательного – лишь малую часть (*conscientia* – синоним апперцепции). Другое направление критики Декарта – постепенный отказ от понятия мыслящей субстанции в английском эмпиризме (у Юма «Я» – это лишь связка восприятий), при сохранении тенденции сближения сознания и самосознания. Различие *a priori/a posteriori* определяет как вопрос об источнике познания, так и вопрос об общей структуре разума, способного получать новое знание и быть основой справедливых социальных отношений.

Концепцию сознания в кантовской философии, где основной становится уже затронутая Лейбницем тема самовоздействия сознания, определяют различия: 1) рационального и иррационального (рассудок как способность к познанию и трансцендентальная сила воображения – слепая, но необходимая сила души); 2) трансцендентального и эмпирического созна-

ния; 3) синтетического единства сознания и созерцания. Место апперцепции как сознания сопровождающего перцепции, занимает синтетическая апперцепция, или синтетическое единство сознания, которое выстраивает объект и благодаря этому выстраивает синтетически свою самоидентичность как постоянную соотнесенность с самим собой в процессе конструирования объекта: «Мы не можем мыслить линию, не *проводя* ее мысленно...»¹, являясь тем самым условием превращения созерцания в объект. Воздействие рассудка на чувственность, т.е. привнесение связи в само по себе аморфное «многообразие» осуществляется через схемы времени – продукты силы воображения. Начиная с Канта, формируется функционалистская традиция; место духовно-рационального, аисторичного и в принципе постижимого абсолюта занимает иррациональное и непрозрачное для человеческого сознания начало (трансцендентальная сила воображения, дело-действие, исторический разум, воля, воля к власти, практика, развивающееся знание, бессознательное), которое берет на себя роль исходного момента и опосредствования чувственности и рассудка, представления и предмета, субъекта и объекта, материального и идеального и т.п. Между сознанием и действительностью – иррациональная область их взаимопревращения (принцип тождества бытия и мышления). Сознание рассматривается как особого рода деятельность и как средство общения: «Сознание <...> лишь средство взаимного общения»²; «Подобно сознанию, язык возникает из необходимости общения с другими людьми»³. Кантовский трансцендентализм – исходный пункт методологии изучения сознания по его объективациям, ибо сам схематизм рассудка «есть скрытое в глубине человеческой души искусство», и связанной с ней методологии структурного анализа сознания; это не только осмысление метода новоевропейской науки, но и принцип современных идеологий, функционирующих как совокупность схем, формирующих мировоззрение из исходного многообразия опыта: «в основе наших чистых чувственных понятий лежат не образы предметов, а схемы»⁴. В той мере, в какой европейская философия выполняет функции служанки социальных утопий, теологии, науки, политики, литературной критики и т. д., в той мере и проблема сознания рассматривается в рамках определенных установок. Ф. Brentano, впервые эксплицитно поставивший вопрос о сущности сознания, обратился к учению о первой философии Аристотеля и его учению о душе. Понятие интенциональности становится основным критерием отличия актов сознания (психические феномены) и предметов, или объектов, сознания (физические феномены). Внутреннее восприятие, а не самонаблюдение, сопровождает каждый психический феномен и служит источником нашего знания о сознании. Brentano, и вслед за ним Гуссерль, подвергают критике позитивистскую доктрину о сущностном тождестве психического и физического. В феноменологии Гуссерля различие психических и физических феноменов претерпело существенную модификацию; Гуссерль развил учение о чистом сознании с его сложными интенциональными, нередуцируемыми смыслообразующими структурами. В отличие от Brentano, у которого была попытка выйти за пределы менталистских концепций сознания и представить сознание как нечто «подобное отношениям» (Relativen Ähnliches) или как «относительное» (Relativliches), Гуссерль, под влиянием У. Джеймса, понимает сознание как поток переживаний, а его предельный слой – как абсолютную субъективность, сохраняя в то же время кантовское понимание сознания как синтеза. Дилемма ментализма, элементы которого сохраняются в феноменологии, и функционализма, сохраняющего элементы редукционизма, принимает следующий вид: или радикальное различие между сознанием как интенциональным актом и предметом за счет допущения самоидентичности предмета (на один и тот же предмет якобы могут быть направлены различные модусы сознания) или объ-

¹ KrV B154; И. Кант соч. т.3, М., 1964. С. 206.

² Ф. Ницше Воля к власти, фрагм. 524. М., 1994. С. 242

³ (К. Маркс и Ф. Энгельс Немецкая идеология, соч.т.3., с. 29).

⁴ KrV A140-141; указ. изд. С. 223.

ект изменяется в зависимости от познавательного отношения и различие между сознанием и предметом якобы только относительно.

Антиредукционизм в сочетании с ментализмом (тенденция, близкая по содержанию к феноменологии), был присущ ряду учений о сознании в русской философии XIX – начала XX в. (М.И. Каринский, В.С. Соловьев, Г.Г. Шпет и др.). В советской философии 60^x– 80^x гг. преобладал так называемый деятельностный подход с ориентацией на Маркса и Гегеля или Маркса и Канта; к антиредукционизму, но уже в сочетании с элементами функционалистской методологии – изучать сознание по его объективациям – предметным или символическим – можно отнести в определенной мере воззрения Э.В. Ильенкова и М.М. Мамардашвили.

Для современной аналитической философии сознания (*philosophy of mind*), в которой исследования сознания и языка тесно связаны, основной является проблема ментального и телесного (*mind-bodyproblem*). При всех разнообразных решениях этой и других проблем имеет место сочетание функционалистского и менталистского подхода: интенциональность рассматривается как функция организма, а ментальное состояние – как основная структура сознания. Указанная дилемма выражается, напр., в определении: «мышление есть ментальная активность мозга»⁵. Трудности в постановке проблемы сознания связаны, во-первых, с многозначностью слова сознания, что создает возможность ориентации того или иного учения на одно произвольно выбранное значение.

Например, оппозиция сознание/бессознательное во всех вариантах, от Лейбница до когнитивной психологии, возможна лишь при отождествлении сознания с самосознанием (апперцепцией) или с контролируемым рефлексией представлением. Разграничение различных значений слова сознания и выделение различных понятий сознания возможно, как отмечал Гуссерль, только дескриптивным путем, но не с помощью дефиниций. Во-вторых, трудности связаны с методологией изучения сознания по объективациям, многообразии которых (при явном или неявном отождествлении сознания с синтезирующей и идентифицирующей функциями) оставляет в тени сознание как опыт и ведет к так называемой «загадке сознания»: непосредственность модусов (представление, суждение, сомнение, радость и т. д.) представляет собой явный контраст с неуловимостью «субстанции»; сознание сравнивают или с Протеем (Э. Кассирер) или с такими понятиями, как эфир, флогистон (P. Churchland).

Преобразование загадки в проблему, обсуждение которой предполагает процедуры верификации и фальсификации, связано прежде всего с двумя моментами: с отказом от понимания сознания как своего рода экстракта из многообразия опытов и с выделением первичного опыта сознания – опыта различения. Впервые попытку связать сознание и различие предпринял американский психолог Е. Толмэн: «Сознание имеет место там, где организм в определенный момент раздражения переходит от готовности реагировать менее дифференцированно к готовности в той же ситуации реагировать более дифференцированно... Момент этого перехода есть момент сознания»⁶. При этом способность различения интерпретируется как функция организма и как реакция на уже дифференцированную ситуацию, тогда как сама дифференциация не становится предметом рассмотрения.

Дескрипция опыта различений, т.е. дескрипция первичного сознания, возможна только как воспроизведение определенных различений в рамках определенного опыта и контекста. Она всегда опирается на определенный уровень рефлексии, которая не есть нечто внешнее сознанию, но лишь определенный уровень различения различений. Различение коррелятивно различенности, оно не первично и не вторично, не активно (спонтанно) и не пассивно (рецептивно), различение – не интуитивно (это не акт восприятия, но то, что подразумевается в любом акте) и его нельзя представить наглядно; различение непредметно и не определяется

⁵ Прист С. Как разрешить проблему «сознание – тело» // Логос М., 1999, № 8. С. 99.

⁶ Е. С. Tolman «A behaviorist's definition of consciousness» // Psych. Review, vol. 34, 1927. P. 435.

через предмет. Различение никогда не может быть единственным, вне иерархии или ряда: любое различение – это по существу различение различений. Например, различая два цвета, мы сразу же выделяем (различаем) контекст, в котором мы проводим это различение: красный и зеленый могут быть сигналами светофора, символами общественных движений, обозначением степени спелости определенных фруктов и овощей и т. д. Каждый из этих контекстов занимает определенный уровень в контекстуальной иерархии (встроен в другое контекстуальное различение) водитель/пешеход, избираемый/избиратель, продавец/покупатель и т. д. Различение – это не образ, не знак, не предмет, но источник образа, знака, предмета (как различенного); различение – всегда сопряжено со значением образа, знака, предмета. Само значение – это не ментальный атом, способный к соединению с другими атомами, но отношение уровней контекстуального деления. В случае светофора значение цвета для нас – это знак запрета или разрешения движения. Значение быть знаком основано, однако, на значении внезнаковой природы: в данном случае, значение – это необходимость различения движений транспортных потоков или движения транспорта и пешеходов. Значение как различие определяет возможный набор знаков – носителей этого значения (сигнал с помощью цвета, жест регулировщика). Значение – это прежде всего свойство мира, а затем уже свойство предметов, образов или знаков. Не сознание наделяет предмет значением, как бы испуская элементарно-ментальную частицу, которая достигает предмета, но предмет становится значимым, когда он, коррелятивно различению, обнаруживает свои функции на границе двух или нескольких опытов и контекстов. Различение ориентаций в мире – «работать», «обедать», «отдыхать» и т. д. делает значимыми соответствующие объекты. Опыт различений характеризуют прежде всего несколько первичных различий: 1. различие между различением, различенностью и различенным; 2. различие между передним планом и фоном; 3. различие между нормой и аномалией. 4. различие между значением (значимостью), знаком и символом, а также – между игрой и тем, что игрой не является. Два первых различия дополняют друг друга: с одной стороны, само выделение переднего плана и фона как первичной характеристики любого различия с целым, а не только различенного, т.е. предметного (передним планом может быть определенное различение), предполагает уже отделение различения от различенности и различенного.

С другой стороны, второе различие неизбежно является исходным пунктом в описании и экспликации первого различия, в частности, в описании перехода от различения к идентификации. Акцент на различении (первичный из всех передних планов) выделяет опыт в собственном смысле, его самоотнесенность (любое различение – это различение различий), то, что традиционно называют самосознанием; акцент на различенности выявляет коррелят абсолютной дискретности различения, а именно: различие дискретности и непрерывности как основное свойство мира: речь идет о границах определенных опытов и контекстов и иерархии этих границ; акцент на различенном указывает на идентифицированный предмет, причем понятия трансцендентного и имманентного получают отчетливый дескриптивный смысл: различие различения и различенного характеризует трансцендентность предмета по отношению к опыту (различенное нельзя редуцировать к различению); различие между различенностью (опытов, контекстов) и предметом (различенным) характеризует имманентность предмета миру (предмет – всегда в определенном опыте и контексте).

Различие переднего плана и фона, их принципиальная «асимметрия» – источник такого опыта сознания, как предпочтение. В свою очередь, устойчивое предпочтение определенного переднего плана и забвение фона характеризует объективирующую функцию сознания, приостанавливающую дальнейшие контекстуальные различения и определяющую тем самым границы предмета. Смысл объективности предмета достигается приостановкой различений. Объективирующая функция – почва для трансформации сознания как опыта в сознание как идентификацию, рекогницию предмета, который трактуется при этом как «сформированный» из комплексов ощущений, в которые вносится связь. В таком случае, проблема трансцендент-

ного и имманентного оказывается неразрешимой: сознание создает предмет, который должен затем предстать перед сознанием как независимый от него. Напротив, коррелятом сознания как различения оказывается предмет, который выделяется из мира как иерархии контекстов, но не привносится в него. Связи и отношения – в предметах, в сознании как первичном опыте – лишь различения; посредником между ним выступает мир как различие дискретности опытов и непрерывности контекстов.

Приостанавливаемые различения образуют не только иерархию предметности (различенного), но и создают иерархию диспозиций – предрасположенностей к определенным различениям, предпочтениям, идентификациям (*Habitus*), которые, с одной стороны, регулируют телесно-физиологическое существование человека, а с другой – позволяют возобновлять после перерыва (сон, отдых и т. д.) определенную ментальную или практическую деятельность, т.е. реактивировать определенную иерархию различий в рамках определенного опыта. Способность различать определяет способность направлять внимание, т.е. выделять и отдавать устойчивое предпочтение тому или иному различенному, а также предвосхищать, предвидеть и прогнозировать то, что может стать различенным, выделяя устойчивые переходы от определенных различений к определенным идентификациям как устойчивые тенденции.

Андрей Тихонов **«Мышление обладает самосознанием» –** **концепт классической философии**

«Самосознающее мышление» является одним из центральных концептов тех многих философских систем и учений, которые мы называем классическими. История описания бытийствующего мышления начинается с Парменида, у которого только истинное бытие может быть бытием, а этим истинным бытием является мысль, чуждая всем тем характеристикам, которые относятся к миру чувственного, движущегося, множественного, и которые вторичны по отношению к истинному бытию, поскольку характеризуют предметы, лишь кажущееся бытием. Парменид создал такой образ бытия, которому ничего не нужно для его завершения, в нём всё необходимое есть; и всё, что бытием не предполагается уже есть лишнее, а следовательно – не существующее. Говоря о наличии бытия, его необходимости, он провозглашает, как можно предположить, что бытие есть то, благодаря чему и о чём существует мысль. Поэтому бытие Парменида есть не только всеохватывающая реальность, но оно одновременно является и таким принцип, благодаря которому и возможны его проявления.

Идея тождества мысли и бытия выражается также и в учениях Платона и Аристотеля. Ярче всего эта идея раскрывается в том, как оба философа определяют само занятие философией, утверждая сущностным в этом занятии единство его предмета и самого процесса. Аристотель в «Метафизике» говорит: «Бог, по общему мнению, принадлежит к причинам и есть некое начало, и такая наука (философия) могла бы быть или только или больше всего у бога»⁷

⁷ «Метафизика», 1, 983a5-10.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.